

Л.Г. Судас

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

...мы ясно осознаем, что главное свойство социального мира — это постоянное проведение людьми границ, отделяющих их от других людей...

Бруно Латур

В статье рассматривается принцип фундаментального равенства социального актора и социолога и его значение для переосмысления проблемы формирования социально-групповой структуры общества, взаимоотношений в этом процессе социологии и политики, проекта «научного общества» и «научно обоснованной» политики. Показаны новые аналитические перспективы и политические возможности, открывающиеся с позиции данного принципа.

Ключевые слова: группа, группизм, групповость, перформативность, объективность социального знания, социология, политика, актор.

The article discusses the principle of fundamental equality of the social actor and the sociologist and its implications for rethinking the problem of the formation of the social structure of society, the relationship of sociology and politics in this process, as well as of the “scientific community” and “evidence-based” policy. New analytical prospects and political opportunities which open such approach are shown.

Key words: group, groupism, groupness, performativity, the objectivity of social knowledge, sociology, politics, actor.

«Пересборка социального» — таков диагноз состояния и оценка характера процессов, происходящих как в самом современном обществе, так и в современной социальной, в том числе социологической, теории. Побывав в «симметричных ловушках» натурализма, социологизма и текстуальности (Б. Латур), социология пытается выработать некий «симметрический» подход, прежде всего выйти за пределы «семиотической вселенной», понимания человеческого взаимодействия как чисто символиче-

Судас Лариса Григорьевна — доктор философских наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; *e-mail:* sudaslg@spa.msu.ru

ского, сохранив в то же время достижения и прозрения XX в., связанные с когнитивным и лингвистическим поворотами в социальной теории.

Однако, несмотря на глубинные теоретико-методологические изменения, происходящие в социологической теории, нельзя не согласиться, что «задача поиска способов коллективного существования стоит острее, чем когда либо»¹, и это является основным источником ощущения кризиса социальных наук.

В России кризис проявляется с особой остротой, поскольку ни в научном, ни в публичном дискурсе, а также и в повседневной практике не сформировались устойчивые, убедительные, легитимные модели восприятия, воспроизводства, интерпретации и оценки формирующихся социально-групповых границ. Не складывается общепринятый язык описания, и даже номинации новой разметки границ, разделяющих и объединяющих людей в современном российском обществе.

Такое «композиционное расстройство» фиксируется множеством социологических исследований, как собственно российских, так и проведенных в рамках международных проектов. Обратимся к результатам одного из таких исследований, крайне показательного для наших целей.

Это всероссийское качественное социологическое исследование «Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры»², проведенное «Лабораторией Крыштановской» с 17 октября 2012 по 25 января 2013 г. Авторы фиксируют «окончательную смерть советской парадигмы социальной структуры», отмечая, что новая сколько-нибудь осмысленная модель общественного устройства не создана. Это создает серьезные проблемы с социальной самоидентификацией не только молодежи, но и людей старших поколений. Вопрос «К какой социальной группе общества Вы себя относите?» вызвал немалое затруднение у респондентов. Как показало исследование, практически единственный социальный маркер, известный молодым людям, это «средний класс». Однако себя к среднему классу никто не от-

¹ Ламур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 32.

² Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. <http://gefter.ru/archive/8369>; Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. Организация и методология исследования. <http://gefter.ru/archive/8464>. Исследование проведено по квотной выборке по четырем группам молодежи в 26 городах России. Численность выборки — 425 человек. Метод сбора информации — фокус-группы и глубинные интервью. Метод анализа — качественный и количественный контент-анализ. Использовались одновременно социологические и психологические методы анализа.

носит. Более того, молодые респонденты уверены, что в России среднего класса просто нет. «Общая картина социального пространства на сегодняшний день выглядит совершенно не структурировано», — делают вывод авторы исследования. Доминирующая политическая идентификация — «ничьи» — получает следующую интерпретацию: если нет ответа на вопрос «кто Я?», то нет и осознания совместных интересов, нет и представления о политических силах, которые их защищают; к тому же в российском политическом поле «действуют субъекты, маркированные ложными или неотчетливыми идеологическими лейблами», что затрудняет политическую идентификацию.

В ситуации социальной и теоретической неопределенности в современной социальной теории провозглашается, отстаивается и все более последовательно проводится позиция, наиболее четко сформулированная теоретиками ANT (Actant-Network Theory — акторно-сетевая теория)³ и названная ими принципом «фундаментального равенства» социологов и акторов: социологи «наравне с теми, кого изучают, — выполняют ту же работу и участвуют в решении той же задачи — прослеживания социальных связей, хотя и с помощью других инструментов и исходя из другого профессионального призвания. Если с точки зрения первого направления (традиционной социологии. — Л.С.) акторы и исследователи сидят в двух разных лодках, то в понимании второго они все время плывут в одной и той же лодке и играют одну и ту же роль — участвуют в образовании групп. Если речь идет о сборке социального, то лишних рук не бывает»⁴.

Таким образом заявлен иной, отличный от традиционного для социологии подход, на равных объединяющий акторов и социологов, постоянно вовлеченных в процесс разметки социального пространства. При этом, по убеждению теоретиков ANT, «задача понимания и упорядочения социального должна быть оставлена самим акторам, а не взята на себя аналитиком... Мы как бы говорим акторам: “Мы не будем вас поучать, заставляя соответствовать нашим категориям; мы дадим вам раскрыть ваши собственные миры и только потом попросим вас объяснить, как вы пришли к их созданию”»⁵. «Очерчивание границ групп — не только одно из занятий социологов, но и постоянная задача самих акторов. Именно акторы творят социологию для социологов», а не наоборот. Поэтому, как правило, «гораздо лучше

³ Основные представители — Б. Латур, М. Каллон, Э.М. Молл, Дж. Ло, К. Кнорр-Цетина и др.

⁴ Латур. Б. Пересборка... С. 51—52.

⁵ Там же. С. 38.

принять по умолчанию позицию, в соответствии с которой исследователь всегда на одну рефлексивную петлю *позади* тех, кого изучает»⁶.

Формируется отличная от традиционной («редуктивно-группистской» (Р. Брубейкер) овеществляющей), социальная онтология, в которой группы, трактуемые как «субстантивные вещи-в-мире», сменяются «изменчивой и случайной, а не неподвижной и данной» групповостью. Противопоставляются два методологических подхода, два понимания проблемы, которые Р. Брубейкер определяет как группизм и групповость. Под «группизмом» имеется в виду «тенденция рассматривать дискретные, ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни, как главных действующих лиц социальных конфликтов и как основные единицы социального анализа»⁷. В качестве альтернативы этой субстанциалистской идиоме ограниченных групп Брубейкер предлагает идиому «групповости»⁸, в которой «базовой аналитической категорией должна служить не некая сущность — “группа”, а групповость — зависимая от контекста концептуальная переменная»⁹. Так, этничность, раса и нация должны быть переосмыслены как этнизация, расизация и национализация, т.е. «не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности — к чему нас подталкивает образ дискретных, осязаемых, ограниченных и живучих “групп”, — но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах. Иными словами, должны пониматься не как субстанциальные группы или сущности... а как политические, социальные, культурные и психологические процессы»¹⁰.

Предлагается иной, отличный от традиционного для социологии, взгляд на общество, исходящий не из того, что социальный мир, общество *уже существует* и долговременная стабильность групп, группового ансамбля объясняется как данность с помощью апелляции к обществу как конечному источнику социального порядка и стабильности, а из того, что «не существует

⁶ Там же. С. 49—50.

⁷ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 23.

⁸ Там же. Отправляясь от общего процессуального подхода, Брубейкер рассматривает проблему в когнитивной перспективе и делает акцент на когнитивном измерении групповости. «Этничность, раса и национальность являются, по существу, способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они — не вещи-в-мире, а точки зрения на мир» (Брубейкер Р. Указ. соч. С. 42).

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 29—30.

общества, чтобы с него начать, нет запаса связей, нет большой, обнадеживающей банки клея, чтобы держать все группы вместе»¹¹. Общество необходимо кропотливо создавать, в построении этого мира необходимо участвовать — совместно (и наравне) с акторами. «В последние годы выяснилось, что существование общества есть часть проблемы, а не ее решение. “Общество” составлено, сконструировано, собрано, устроено, слеplено и смонтировано. Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия или поведения... В определенном смысле, век спустя мы становимся свидетелями реванша Габриэля Тарда над Эмилем Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено»¹². Идея «социологии без общества» стала почти общим местом в современной социологии¹³.

Правилom становится перформативность¹⁴. «Для ANT если вы перестали создавать и пересоздавать группы, у вас уже нет групп»¹⁵. Если прежде главным свойством социального мира было существование стабильных неоспариваемых границ вне зависимости от того, кем и какими средствами они устанавливались, то теперь любой тип стабильности рассматривается как «тревожащее исключение», который должен получить объяснение, невозможное без поиска механизмов, обеспечивающих такую стабильность. «Великое достоинство апелляции к обществу заключается в том, что эта долговременная стабильность подносится на блюдечке и бесплатно», «великая польза перформативного определения» в том, что оно «сконцентрировано на средствах,

¹¹ Латур Б. Пересборка... С. 56.

¹² Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М., 2006. С. 349—350.

¹³ Критически оценивая эту тенденцию, А.Б. Гофман отмечает: «...общество как будто исчезает из социологии, причем не только явно, но и, так сказать, скрыто и незаметно. Социологи стараются, насколько это возможно, избегать использования этого понятия, заменяя неприличное слово “общество” всякого рода однокоренными или близкими эвфемизмами, такими, как “социальность”, “социальное”, “социум” и т.п. Даже если оно и используется, то стыдливо, с многочисленными оговорками относительно его “низкого” или “слабого” онтологического статуса; подчеркивается, что общество не есть особая реальность, особый субъект, обладающий автономным существованием, и т.п.» (Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социол. исследования. 2005. № 1).

¹⁴ Понятие «перформативность» заимствовано из концепции философии языка Джона Остина (см.: Austin J.L. How to do Things with Words. L., 1962).

¹⁵ Латур Б. Пересборка... С. 53.

необходимых для непрерывного поддержания групп, и на ключевом значении вклада собственных ресурсов исследователя»¹⁶.

В первом случае ключевая задача социологов, стремившихся подражать «физикам», заключается в том, чтобы найти эту скрытую от обычных людей, но доступную ученым структуру, заранее ограничивающую репертуар и роли участников социального мира. «Если у нас есть Общество *как уже готовое единое целое*, с помощью которого можно объяснить поведение неразумных акторов, — общество, чье тайное устройство открывается опытному взгляду тренированного обществоведа, — тогда можно ставить перед собой гигантскую задачу социальной инженерии и приступать к производству всеобщего блага вместо того, чтобы кропотливо создавать эту общность политическими методами. Вот откуда берет начало то самое Общество, гибель которого видна сейчас повсеместно, не столько даже из-за наступления сетей и глобального маркетинга, сколько потому, что оно оскандалилось и политически, и научно. От Конта до Бурдьё, через Дюркгейма и Парсонса мечта о законодательстве определяла ключевую задачу большинства обществоведов (кроме немногих школ понимающей социологии, этнометодологии и “символистов”...). Они хотели пойти в обход невыносимо беспокойной политической арены, применив знание о том, что такое Общество, которое манипулирует людьми вопреки им самим»¹⁷.

Такую постановку задачи Латур, опираясь на известную дихотомию обществоведов-«законодателей» и обществоведов-«интерпретаторов», предложенную З. Бауманом¹⁸, объясняет тем, что «социология очень рано была втянута в социальную инженерию. Тут с самого начала было смешение ролей. Решив, что их дело — определять, из чего состоит социальный мир, социологи середины XIX в. взяли на себя задачу политиков. Если политика определяется <...> как постепенное построение коллективной жизни, то некоторые социологи, устав от революционного периода, нашли способ сократить медленный и болезненный процесс строительства и решили сами отсортировать наиболее подходящие элементы для общества... Социальные теоретики принялись разыгрывать из себя законодателей, весьма поощряемые в этих попытках государством, вовлеченным в решение тяжелой задачи модернизации»¹⁹. Поэтому, когда наступает время работы по созданию общего мира политическими средствами,

¹⁶ Там же. С. 53—54.

¹⁷ Латур. Б. Когда вещи дают отпор... С. 355—356.

¹⁸ Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1992.

¹⁹ Латур Б. Пересборка... С. 61.

обществоведы могут сказать: вопрос уже закрыт. «Культурные простофили, вы опоздали! У нас уже есть общий мир, он называется Общество. Он всегда был там, он лежал в основе всех ваших действий, даже если вы его не видели. Конечно, ваши субъективные ощущения тоже существуют, но они ничего не добавляют к суровой реальности Общества. Точнее, кое-что они добавляют: покров иллюзии, предохраняющий вас от этой ужасной истины, которую ясно видим мы, потому что являемся обществоведами... Все, что можно видеть, переживать и чувствовать, — разумеется, субъективно значимо, но при этом совсем несущественно, потому что не соответствует устройству мироздания»²⁰.

Именно в этом «строгом обязательстве играть роль законодателей», за которым стоит не только «странная политическая мечта об упрощении политики», но и крайний сциентизм²¹, Латур видит причину затянувшегося непризнания сущностного паритета между актерами и социологами. Оно отрезало для социологии все связи с собственными методами работы акторов, а знание того, «как Общество на самом деле устроено», позволяет обществоведам пренебречь их представлениями как искаженными, ложными или несущественными.

Напротив, перформативный подход поддерживает паритет между актерами и социологами. Он требует непосредственного участия последних в постоянном производстве и воспроизводстве групп, поскольку в современном мире определение и переопределение групп, их существование зависит от напряженной работы профессионалов. В свою очередь акторы теперь могут не только свидетельствовать в пользу конструкции обществоведов: «...уже недостаточно ограничивать акторов всего лишь ролью информантов, предоставляющих примеры хорошо известных типов. Следует вернуть актерам способность строить свои собственные теории о том, из чего сделано социальное. Ваша (социологов. — Л.С.) задача уже не в том, чтобы навязать тот или иной порядок, ограничить ряд допустимых сущностей, объяснить актерам, кто они такие, или внести долю рефлексивности в их слепые действия»²². «Говоря словами лозунга ANT, вы должны

²⁰ Латур Б. Когда вещи дают отпор... С. 356—357.

²¹ Там же. С. 356.

²² Здесь вполне уместно вспомнить многократно цитировавшееся высказывание основоположников марксизма: «Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать» (Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 40).

«идти за самими акторами», т.е. попытаться понять их зачастую сумасбродные нововведения, чтобы из них узнать, чем становится в руках акторов коллективное существование, какими способами они делают его общеприемлемым, какие теории могли бы лучше всего описать те новые ассоциации, которые им приходится устанавливать»²³.

Социально-групповая структура теперь трактуется не как объективная, законосообразная, онтологическая, дедуктивно выводимая и предписываемая определенной теоретической моделью общества, не как субстанция, а как практика, исполнение (перформанс как исполнение); не как то, что выявляется, обнаруживается, открывается, а как то, что создается, конструируется, производится²⁴.

Тот или иной результат «получается», «появляется», «производится» как итог столкновения различных сил в борьбе за статус реального, в зависимости от победившего в этой борьбе способа конструирования, и получает статус «реальности», очевидного для всех нового элемента социально-групповой структуры, начинающего жить своей собственной, самостоятельной жизнью. «Реальность» групп создается и обеспечивается, поддерживается совокупным перформативным эффектом всей сети, всего «производственного механизма», в который включены и акторы, и социологи (социальные теории, социальное знание), и политики. Побеждает тот (те), кому удалось создать более прочную и разветвленную сеть²⁵.

Так марксизм (как социальная теория, идеология и политика) обеспечил перформативный эффект «производства» классовой структуры общества. П. Бурдье отмечал: «...если верно, что можно проникнуть на желаемую глубину в историю первых проявлений классовой борьбы и даже первых более или менее

²³ Латур Б. Пересборка... С. 25.

²⁴ В известной перформативной концепции гендера Джудит Батлер, которая используется при исследовании и других аспектов идентичности, гендер рассматривается как результат многократных перформативных действий, создающих видимость его естественности, т.е. существует только в практике и только как практика, но не как субъект, который якобы предшествует действию, является его основанием (см.: *Butler J.P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y.; L., 1990.*

²⁵ Мы не рассматриваем следующий шаг АНТ — собственно «поворот к вещам», когда место «общества» как гаранта долгосрочной групповой стабильности замещают (занимают) вещи — как средства, необходимые для очерчивания групп и поддержания их существования, для того, чтобы «группообразование *протянулось* немного дальше и *продержалось* немного дольше» (Латур Б. Пересборка... С. 53).

разработанных выражений ее “теории” (в логике “предшественников”), оказывается, что только после Маркса или даже после создания партий, способных навязать (в широком масштабе) видение социального мира, организованного в согласии с теорией классовой борьбы, можно со всей строгостью говорить о классах и классовой борьбе. С такой строгостью, что те, кто во имя торжества марксизма ищут классы и классовую борьбу в докапиталистических и домарксистских обществах, совершают очень типичную ошибку... Категории, в соответствии с которыми группа себя осмысливает и представляет себе собственную реальность, вовлечены в [создание] реальности этой группы. Это означает, что всякая история рабочего движения и теории, посредством которых это движение сконструировало социальную реальность, присутствуют в реальности этого движения на данный момент времени. Именно в борьбе, где рождается история социального мира — и в то же время, группы конструируются в соответствии с этими категориями»²⁶.

В этом совокупном перформативном эффекте сети значимость научного знания определяется не его универсальностью (объективностью) и ценностной нейтральностью, а способностью стать эффективным инструментом в «борьбе за реальность». Это так называемое перформативное знание, исходный постулат которого — познание не столько репрезентирует реальность, сколько производит ее²⁷. Данный постулат базируется на характерной для перформативной эпистемической матрицы принципиальной неразделенности субъекта и объекта познания, что и делает возможным формирование научных интерпретаций из перспективы субъекта как деятеля. «Нам больше не надо выбирать между интерпретацией мира и его трансформацией. Наша, совместная с акторами, работа состоит в том, чтобы умножать возможные миры через коллективное экспериментирование и исполнение»²⁸.

Утверждение, что социологические теории обладают перформативностью, означает, что «они производят эффекты, создают различия, учреждают новые реальности, способствуют реализации того, что они “открыли”, а борьба различных научных

²⁶ Бурдые П. Описывать и предписывать: Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4—5 (39). С. 38—39.

²⁷ Более подробно о перформативной эпистемической матрице см.: Дудина В.И. Эпистемические матрицы социологического знания. СПб., 2013.

²⁸ Callon M. What does it Mean to Say that Economics is Performative? // Do Economists Make Markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Sui. Princeton, 2007.

утверждений “предполагает, по сути, борьбу реальностей, учреждаемых различными сетями и социотехническими устройствами”²⁹. Становясь «хозяином реальности», «перестраивая реальность “под себя”, группы, наделенные властью, повышают свои шансы на истинные высказывания»³⁰.

Признание того, что «у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность»³¹, а потому «произведенная» социальная структура могла бы быть иной, проблематизирует процесс ее производства. А это, в свою очередь, смещает внимание к локальному, контекстуальному знанию и ставит под сомнение значение универсального научного знания в его классическом объективистском понимании.

Проблема объективности социальной теории в этом теоретическом контексте приобретает новый смысл и значение. Предложенное ANT и STS (Science and Technology Studies) понимание объективности «как способности объекта достойно противостоять тому, что о нем сказано», поддерживает паритет теоретика и актора. Данное Латуром определение объективности стало классическим. «“Объективность” означает не особое качество сознания, не его внутреннюю правильность и чистоту, но присутствие объектов, когда они “способны” (“able”, слово этимологически очень сильное) возражать (to object) тому, что о них сказано... Лабораторный эксперимент создает для объектов редчайшие, ценные, локальные и искусственные условия, где они могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых... Но эти ситуации так нелегко найти, они — так необычны, если не сказать “чудесны”, что разработка нового протокола, изобретение нового инструмента, обнаружение нужной позиции, пробы, приема, эксперимента часто заслуживают Нобелевской премии. Нет ничего более трудного, чем отыскать способ, позволяющий объектам достойно противостоять нашим высказываниям о них... Если мы потеряем эту способность объекта влиять на научный результат (чем гордятся сторонники количественных методов), мы потеряем и саму объективность»³².

Подобным же образом и обществоведы, чтобы стать объективными, должны найти такую ситуацию — «редчайшую, ценную, локальную, чудесную», в которой объекты их изучения получают возможность *возражать* высказываниям ученых. Поэтому «абсурдно противостоять тому, что “людей рассматривают как объ-

²⁹ Дудина В.И. Указ. соч. С. 191, 192.

³⁰ Там же. С. 174.

³¹ Латур Б. Пересборка... С. 36.

³² Латур Б. Когда вещи дают отпор... С. 351—353.

екты». В худшем случае это просто означает, что людей рассматривают *наравне* с другими дискуссионными реалиями — в физике, биологии, компьютерной науке и т.д. ... Пожалуйста, рассматривайте людей как вещи, наделите их хотя бы той степенью реальности, какую вы готовы допустить для скромных дискуссионных реалий, материализуйте их и, да, *овеществите*, насколько это возможно!»³³.

Что это означает в смысле постановки задач перед общественными науками? Латур считает, что эту задачу семьдесят лет назад сформулировал Дьюи: «...не определять невидимую структуру наших действий (как если бы обществовед знал *больше*, чем сам актер), но *пред-*ставлять общественное ему самому, потому что ни “народ” [слово, которое употреблял Дьюи для обозначения того, что мы назвали сегодня “обществом риска”], ни обществовед *точно не знают, через какой именно опыт мы проходим*»³⁴. Поэтому «возможно, пора перевернуть обратно с *головы на ноги известную цитату Маркса: “Социологи лишь разными способами изменяли мир, дело заключается в том, чтобы его проинтерпретовать”*»³⁵.

В этом смысле интересна оценка З. Бауманом роли западных интеллектуалов в историческом опыте модернизации³⁶. В течение трех столетий Запад задавал для всего мира концепцию прогресса, определял его направления, основные стандарты, пропагандировал западный стиль жизни. И делали это именно интеллектуалы — в рамках своих социологических, философских, эстетических и других теорий. Со времени своего появления именно интеллектуалы обеспечивали «очевидность» превосходства Запада над остальным миром. Задачей «твердокаменных» интеллектуалов являлась легитимация, т.е. рациональное доказательство того, что делаемое универсально верно и абсолютно истинно, морально и прекрасно. Реально же функция социологии и социологов-интеллектуалов состояла не в служении «объективным законам истории» и придании обществу *законосообразного* устройства, а наоборот — в *придании* модерну универсального значения и тем самым *статуса «объективной закономерности»*.

Поэтому «правильными», по оценке Латура, общественными науками были бы не те, что играют в игру воображаемых естественных наук и придумывают скрытые структуры, а те, которые «способны изменить представление народа о себе *настолько*

³³ Латур Б. Пересборка... С. 351.

³⁴ Латур Б. Когда вещи дают отпор... С. 358.

³⁵ Латур Б. Пересборка... С. 62—63.

³⁶ Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1992.

твердо, чтобы мы были уверены: максимально возможное количество *возражений* (objections) этому представлению прозвучало. Тогда общественные науки начнут подражать естественным. Больше того, они смогут вернуть “вещи” тому, чему они принадлежат, — ансамблю, ответственному за создание общего мира, который должен по праву называться политикой»³⁷.

Однако, как отмечает Р. Брубейкер, «слабость большей части современной политической теории заключается в том, что она основывается на сомнительной социологии — а именно на <...> редуکتивно-группистской репрезентации социального мира»³⁸. Группистская социальная онтология ограничивает политические возможности репертуаром уже существующих групп, не позволяет увидеть потенциал групповости, возникающий в конкретных ситуациях и создающий возможность его использования в политических целях, и таким образом сужает спектр возможных (альтернативных) концептуальных представлений и возможных политических решений, которые не актуализируются в силу именно этого обстоятельства.

Если политика понимается как «постепенное построение коллективной жизни», то она должна прежде всего выйти за пределы предложенного, заданного заранее набора наиболее подходящих для этой цели групп: этот набор должен оставаться открытым. А социологии придется отказаться от «невыполнимой задачи установления априори и вместо акторов, каким группам и каким силам отныне будет позволено наполнять социальный мир», преодолеть «чрезмерную готовность сплавить воедино науку и политику» — и «отправиться в погоню за актерами»³⁹.

Таким образом, главный смысл принципа фундаментального равенства социолога и социального актора как важнейшего посыла самоинтерпретации и самопонимания современной западной социальной теории — в стремлении и призыве «вырваться из проекта “научного общества”, предложенного модернизмом»⁴⁰, закончить борьбу за «беспристрастную объективную» науку и «научно обоснованную» политику, преодолеть сциентизм. Такое стремление вписывается в те изменения в социальном мышлении, которые происходят в связи с распадом «великих нарративов» и сменой прогрессистской современной ориентации на будущее другой ориентацией — ограниченной рамками настоящего. Французский историк Франсуа Артог, предложивший понятие

³⁷ Латур Б. Когда вещи дают отпор... С. 358.

³⁸ Брубейкер Р. Указ. соч. С. 118.

³⁹ Латур Б. Пересборка... С. 76.

⁴⁰ Латур Б. Когда вещи дают отпор... С. 358.

«режим историчности» как типичное для той или иной культуры или эпохи формы понимания отношений между прошлым, настоящим и будущим, назвал такой тип мышления «презентизмом»⁴¹. Если в режиме историчности, сформировавшемся в Новое время, будущее господствует над настоящим и прошлым, то в формирующемся ныне режиме историчности «вечное настоящее» ограничивает горизонт ожиданий и прогнозов (и одновременно лишает возможности создания сколько-нибудь связанной картины прошлого)⁴². Теоретические понятия и модели модерна создавались главным образом для конструирования проектов будущего, а не для описания настоящего. Сейчас, когда никакого альтернативного проекта будущего нет, лучшее, что могут сделать социальные науки, — это оставить будущее открытым. Такой подход гораздо более предпочтителен, чем какой-нибудь очередной «объективный и универсальный» проект будущего, предписывающий, каким социальным силам его предстоит исполнять.

Всколыхнувшая мир эпидемия протестов 2010—2014 гг. как раз показала, что, породив кризис легитимности элит и всей системы власти, ни одно из протестных движений не сумело консолидироваться и выстроить свою идентичность вокруг какой-либо платформы для изменения будущего и таким образом (по-прежнему?) оставило будущее открытым. Но в то же время эти протесты, складываясь в один общемировой феномен, в этом открытом будущем оставляют открытым и вопрос о наборе акторов, которым будет «позволено» создавать это будущее. Как отметил один из аналитиков, «их бунт был не против правительства (government), но против управляемости (being governed)»⁴³.

Список литературы

Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление: Электронный вестн. 2011. № 29. <http://e-journal.spa.msu.ru/>

Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4—5 (39).

Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008.

⁴¹ *Hartog F.* Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps. P., 2003.

⁴² О взаимосвязи режима истины и понятийного аппарата социальных наук (см.: *Ханаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов // Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005).

⁴³ *Краснев И.* От политики к протесту. URL: <http://gefiter.ru/archive/13438>

Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социол. исследования. 2005. № 1.

Дудина В.И. Эпистемические матрицы социологического знания. СПб., 2013.

Дьюи Д. Общество и его проблемы. М., 2002.

Крастев И. От политики к протесту. URL: <http://gefter.ru/archive/13438>

Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М., 2006.

Латур Б. Нового времени не было: Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.

Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. URL: <http://gefter.ru/archive/8369>

Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры. Организация и методология исследования. URL: <http://gefter.ru/archive/8464>

Ханаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов // Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005.

Austin J.L. How to do Things with Words. L., 1962.

Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1992.

Butler J. P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y.; L., 1990.

Callon M. What does it Mean to Say that Economics is Performative? // Do Economists Make Markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Sui. Princeton, 2007.

Hartog F. Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps. P., 2003.